2 2 АПР 1986

Из поэтической тетради

НАШЕ СОЛНЦЕ

Царили ночь на всей
планете,
Стояла мрак в кромешной
мгле.
Но, словно солнце на
небе,
Ленин
Под стягом пролетарьев
рассвет
В горящих планетных ждет
Зажег он солнце без заката
Для всех трудящихся людей.
И, словно Ленина Отчизна,
Чье имя славится в веках,
Сияет солнце ленинизма
На [illegible] планете [illegible]

ИГРАЕМ «Синие кони на красной траве» М. Шатрова. Играем не первый раз, и все же меня до глубины души поражает сила воздействия этой пьесы на зрителей. Их очень немного в зале нашего театра, маленькое здание которого надежно упрятано в недра Фонтанного переулка, их немного, но, замечаю, — ни один не уходит до конца спектакля. Не потому, что актёры являются «полными властителями дум», нет, далеко не все труппа наша одинаково, заведомо не каждый может жить на сцене, и не только мастерски сложность решения. Нет, «задача» — театральный термин, означающий высшую степень совершенства зала — происходит, на мой взгляд, потому, что людям, всем нам, сегодняшним, очень нужно вот это прямое соприкосновение с нашим вождем «синих коней», которое помогает нам совершить драматургу. Григорю Виеру, мой друг, один из ведущих наших поэтов, после спектакля сказал мне: «Если бы я знал эту пьесу раньше, я бы, наверняка, многое пересмотрел в своем творчестве». Георгий Малярчук, молдавский писатель, человек, безусловно, и сам не раз размышлявший в ленинском духе, согласен, тем не менее, счел возможным признаться: «Передо мной открылась правда во всей ее полноте».

Мы сильны, поэтому мы не убоялись в открытую говорить о своих недостатках. Мы сильны, но для того, чтобы далее двигаться вперед с нынешней скоростью, нам надо преодолеть многое. И не только в организации наших дел — экономических, социальных... Надо преодолеть многое в себе. Именно тут лежит ключ к пониманию сегодняшней роли литературы и искусства.

«Нравственное здоровье общества, душевный комфорт каждого нашего друга, в большой степени определяется состоянием литературы и искусства, когда отдельные общественные деятели пытаются отмахнуться, дескать, не до жиру, мол, время тревожное, [illegible] нуждаются в предметах потребности, в том время или нет сейчас, не партийное дело, не нуждаются в предметах [illegible] и [illegible] выгоняется, в [illegible] дискуссии. Общество вправе требовать [illegible] художественных открытий, правда [illegible] всегда была сутью настоящего искусства».

Общество ждет от писателя и от художника, и от актера, — от всех, нас, представителей творческих профессий, общество ждет «осмысления времени». На театре первым поставил требование — это в первую очередь перед высокого публицистического звучания, появившиеся на московских сценах, — «Говорю» и «Диктатура совести». Думаю, что еще раньше пьеса Шатрова «Синие кони» положена в основу спектакля М. Шатрова «Диктатура совести» — суд над Лениным — кое кого из «свободнотемышленников» сдуло, прежде всего Е. Евтушенко, — повторю бы в трепетный ужас. Сам Ленин, которому Н. К. Крупская сообщила о подобном оригинальном методе политической учебы молодежи, правительствовавшим в 20-е годы, остался доволен.

Поставка шатровских «Синих коней»... мы мечтаем сегодня о переносе на нашу сцену и этой вовсю работы талантливого драматурга. Меня не смущают голоса, обвинявшие пьесу в излишней публицистичности, выводящей ее, якобы, вообще за рамки искусства. Уровень художественности в публицистическом произведении зависит от точности и степени обобщений в выводах, которое оно в себе несет. Можно сыграть на сцене и газетную статью (чему, кстати, есть подтверждение), лишь бы не грешить против Правды. В имени в виду правду художественную и правду жизни прежде всего. И когда думаю о недостатках в своей работе, в работе своих коллег, всех художников республики, не могу не сознавать, что перед этой Правдой мы еще в долгу.

Кто воспитал того самого деятеля, который презирает искусство? Того, кто разрушает на нашей земле памятники архитектуры? Кто не смог отстоять своего того ретивого хозяйственника, что превратил заповедные плавни в безжизненные солончаки? Или того, кто вырубил леса наши, породив оползни.

Можно один за другим называть еще много подобных горьких вопросов. Ответ на них каждый найдет в своей душе. Для себя же я ответил: в нашем лично, тогда, когда приносимая вперед в создавшую образ Владимира Ильича Ленина.

Я читал тогда много книг, воспоминаний об Ильиче, просматривал документы и материалы, повествующие о его жизни. И чем больше накапливалось знаний, тем больше поражал меня мысль: как же умел любить и как не ненавидеть этот Человек! Как он верил в победу гуманизма, отвергая любое неверие... Вдумайтесь, о чем говорил с молодежью тогда, в далеком 1918 году, когда вокруг царили разруха и голод, когда враги готовы были задушить молодую республику Советов?

Он призывал — учиться. Он говорил о школе. Он ставил задачи — быть достойными культуры! И тогда меньше было бы дипломированных невежд и дальнейшем.

Что можем ответить на эти требования мы сегодня? Да, сделано многое. Но, если судить себя по-ленински, то необходимо устроить самое строжайший экзамен — а мы обязаны признаваемовать себя на нынешнем переломе, — осознаем, что сделали далеко не все, что могли. Я первую очередь — в области воспитания культуры, той высокой культуры, о которой мечтал Ильич.

Когда в нашу новые здания школ, детских садов, клубов — это не может не радовать. Но когда в нашу жизнь, на широкую ногу ленинские школы сыновей позволяет себе на перемене разговаривать с детьми полуграмотным языком, радость моя омрачается.

Когда в приезжаю в село и вижу добротные дома рядом с полуразрушенными, то устраиваю, что воспитывает меня, знавшего иные времена и иную жизнь. Но, когда те же богатые наши земляки демонстрируют в принципе позывальбы забытые «красненькие» и заказывают вспершие банки, когда у колхозов-миллионеров не находятся визжия дров или машины угля, чтобы отопить клуб, когда в тесных и мокрых помещениях идет библиотечные книги, — это оставывает мою душу тревогой.

Что упустили мы, мастера культуры, что можем и должны сделать для выполнения своей миссии? Пропагандировать культуру, помогать развитию самодеятельности, организовать клубы?.. Конечно, да. Но, главное — работать. В полную силу отпущенных тебе способностей, с полной мерой гражданской ответственности.

Для такой работы нужен новый критик сам. Откуда взять их? Попробую ответить словами, сказанными героем пьесы, которая вскоре будет, мы появится на нашей сцене. Михай Груя, от нетленного государственного мужа, рожденный фантазией Иона Друцэ, в пьесе «Святая святых», в финале, подводя итог и пьесе, да и жизни своей, извлеченным из нее уроком, говорит: «Чем мастерство, чем талант, чем может убить клубы, может обмелеть или разлиться, но исчезнуть совсем они не может, потому что вода, и воздух, и солнце — это же наша святая святыня».

Вечно пребудет с нами наша Река и наша Нива. Наша Родина, про которую тот же Груя говорит: «Родина — это организация, и... рази этой организации по второй мировой войне сделала с лишним миллионом сложная голова ныне».

Вечно пребудет с нами и он, великий провидец, чей идейной силой питается сегодня любая клеточка нашей жизни.

Сила этих двух понятий — Родина и Ленин — соединенных воедино — неодолима.

И. ШКУРЯ,
народный артист МССР.

В ДОЛГУ ПЕРЕД ВРЕМЕНЕМ

Что же так поражает людей в этом спектакле, строго документальном, написанном М. Шатровым на основе реальных событий, происходящих в жизни Владимира Ильича Ленина в период перед открытием III Всероссийского съезда Российской Коммунистической Партии Молодежи?

«Если бы только изучение коммунизма заключалось в освоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда спектакль не стоил бы ломаного гроша, коммунистических начетчиков, или хвастуной, а эти «бомбы» и рядом с ними бы лежали кучи ерунды».

Еще во время подготовки спектакля, еще когда в репетиции увидела эту пьесу на сцене молодежного театра имени Ленинского комсомола, сам был потрясен сущностью того, насколько мне нужна эта правда.

«...Основная цель всей жизни Ленина, — писал М. Горький, — общечеловеческое благо, и он наиболее должен опасаться в отдаленном итоге конец того великого процесса, началу которого исстрелы и мужественно служит все его вся...».

Мы убедились — он прозревал не только конечную цель.

От нутрии гения угадывал в зачатии всех социальных болезней, подстерегающих нас в дороге, и предупреждал, и старался охранить от бед.

«Еще более опасными было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги. Если бы мы вовремя эту опасность не поняли, и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы в ближайшем будущем тысячи наличие полуумилиона или миллиона людей, имеющих цитаты и декларации, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, то мы сделали бы страшный ущерб для дела коммунизма».

Вдумайтесь в эти ленинские строки, и, если даже вам не довелось побывать на спектакле — у нас или в другом театре страны, — вы поймете о чем он о нашем сегодняшнем дне, о наших болях и сомнениях.

Счастлив, что довелось играть роль Ленина. Специально так говорю, ибо главной задачей стояло — не создавать внешний образ вождя, не делать из внутреннего внешнее, в внешний не подовести речь, но лишь стремиться довести до зрителя масштаб той Личности и остроту, точность, актуальность мышления великого вождя революции, гениального провидца.

Не знаю, как зрители и критики, но сам я считаю эту роль одной из главнейших во всем своем творчестве. И с точки зрения художника, и с точки зрения гражданина.

Сейчас очень много спорят о соотношении публицистики и литературы, о роли публицистичности в театре, в искусстве вообще. Я присоединюсь к тем, кто утверждает: ничто не сравнится высокому, любое значительное произведение искусства — публицистичным. Мы сейчас в театре ставим пьесу Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора». Работа в ней идет о соотношении подлинного и мнимого в искусстве, о роли художника. Разве он не актуален, разве публицистически не звучит сегодня эта тема, звучащая прямым укором многим из нас?

Подлинное и мнимое... Ленин, как никто другой, умел различать их и в жизненных событиях, и в отдельных личностях. И не только различать, но и отделять друг от друга, возвеличивая первое и уничтожая второе. Он страстно предупреждал, что в борьбе за подлинный коммунизм против начетчиков и приспособленцев, приспособленцев и бюрократов всех мастей великую роль играет культура.

«Без всякого понимания того, что только точными знаниями культуры, созданной всем развитием человечества, только тем, что выработано мышлением прошлого, только тем, что отвергается, — все такое понимание как этой задачи не разрешается».

Печально сознавать, но много всякого понимания — все-таки не все. Особенно печально, когда такого понимания нет у людей, признанных воспитывать других. Если встретившийся мне великий первый секретарь одного из районных партий не сознает, что такое искусство Марии Биешу, и откровенно демонстрирует это, игнорируя и выступление великой певицы, и наши скромные достижения на театральных подмостках, не желает тратить ни минуты личного времени на то, чтобы хоть посторонаться минимум в музыку, в театр, — подлинный ли он коммунист? Достоин ли занимать свою ответственную должность? Ведь пренебрежение культурой уже обошлось нам слишком дорогой ценой.

Но в этом году XVII Партсъезд, докладе XXVII съезду КПСС. Сказано по-ленински беспощадно и точно:

«Мы сильны, поэтому мы не убоялись в открытую говорить о своих недостатках. Мы сильны, но для того, чтобы далее двигаться вперед с нынешней скоростью, нам надо преодолеть многое. И не только в организации наших дел — экономических, социальных... Надо преодолеть многое в себе. Именно тут лежит ключ к пониманию сегодняшней роли литературы и искусства.

«Нравственное здоровье общества, душевный комфорт каждого нашего друга, в большой степени определяется состоянием литературы и искусства, когда отдельные общественные деятели пытаются отмахнуться, дескать, не до жиру, мол, время тревожное, [illegible] нуждаются в предметах потребности, в том время или нет сейчас, не партийное дело, не нуждаются в предметах [illegible] и [illegible] выгоняется, в [illegible] дискуссии. Общество вправе требовать [illegible] художественных открытий, правда [illegible] всегда была сутью настоящего искусства».

Общество ждет от писателя и от художника, и от актера, — от всех, нас, представителей творческих профессий, общество ждет «осмысления времени». На театре первым поставил требование — это в первую очередь перед высокого публицистического звучания, появившиеся на московских сценах, — «Говорю» и «Диктатура совести». Думаю, что еще раньше пьеса Шатрова «Синие кони» положена в основу спектакля М. Шатрова «Диктатура совести» — суд над Лениным — кое кого из «свободнотемышленников» сдуло, прежде всего Е. Евтушенко, — повторю бы в трепетный ужас. Сам Ленин, которому Н. К. Крупская сообщила о подобном оригинальном методе политической учебы молодежи, правительствовавшим в 20-е годы, остался доволен.

Поставка шатровских «Синих коней»... мы мечтаем сегодня о переносе на нашу сцену и этой вовсю работы талантливого драматурга. Меня не смущают голоса, обвинявшие пьесу в излишней публицистичности, выводящей ее, якобы, вообще за рамки искусства. Уровень художественности в публицистическом произведении зависит от точности и степени обобщений в выводах, которое оно в себе несет. Можно сыграть на сцене и газетную статью (чему, кстати, есть подтверждение), лишь бы не грешить против Правды. В имени в виду правду художественную и правду жизни прежде всего. И когда думаю о недостатках в своей работе, в работе своих коллег, всех художников республики, не могу не сознавать, что перед этой Правдой мы еще в долгу.

Кто воспитал того самого деятеля, который презирает искусство? Того, кто разрушает на нашей земле памятники архитектуры? Кто не смог отстоять своего того ретивого хозяйственника, что превратил заповедные плавни в безжизненные солончаки? Или того, кто вырубил леса наши, породив оползни.

Можно один за другим называть еще много подобных горьких вопросов. Ответ на них каждый найдет в своей душе. Для себя же я ответил: в нашем лично, тогда, когда приносимая вперед в создавшую образ Владимира Ильича Ленина.

Я читал тогда много книг, воспоминаний об Ильиче, просматривал документы и материалы, повествующие о его жизни. И чем больше накапливалось знаний, тем больше поражал меня мысль: как же умел любить и как не ненавидеть этот Человек! Как он верил в победу гуманизма, отвергая любое неверие... Вдумайтесь, о чем говорил с молодежью тогда, в далеком 1918 году, когда вокруг царили разруха и голод, когда враги готовы были задушить молодую республику Советов?

Он призывал — учиться. Он говорил о школе. Он ставил задачи — быть достойными культуры! И тогда меньше было бы дипломированных невежд и дальнейшем.

Что можем ответить на эти требования мы сегодня? Да, сделано многое. Но, если судить себя по-ленински беспощадно, то устроить самое строжайший экзамен — а мы обязаны признаваемовать себя на нынешнем переломе, — осознаем, что сделали далеко не все, что могли. В первую очередь — в области воспитания культуры, той высокой культуры, о которой мечтал Ильич.

Когда в нашу новые здания школ, детских садов, клубов — это не может не радовать. Но когда в нашу жизнь, на широкую ногу ленинские школы сыновей позволяет себе на перемене разговаривать с детьми полуграмотным языком, радость моя омрачается.

Когда в приезжаю в село и вижу добротные дома рядом с полуразрушенными, то устраиваю, что воспитывает меня, знавшего иные времена и иную жизнь. Но, когда те же богатые наши земляки демонстрируют в принципе позывальбы забытые «красненькие» и заказывают вспершие банки, когда у колхозов-миллионеров не находятся визжия дров или машины угля, чтобы отопить клуб, когда в тесных и мокрых помещениях идет библиотечные книги, — это оставывает мою душу тревогой.

Что упустили мы, мастера культуры, что можем и должны сделать для выполнения своей миссии? Пропагандировать культуру, помогать развитию самодеятельности, организовать клубы?.. Конечно, да. Но, главное — работать. В полную силу отпущенных тебе способностей, с полной мерой гражданской ответственности.

Для такой работы нужен новый критик сам. Откуда взять их? Попробую ответить словами, сказанными героем пьесы, которая вскоре будет, мы появится на нашей сцене. Михай Груя, от нетленного государственного мужа, рожденный фантазией Иона Друцэ, в пьесе «Святая святых», в финале, подводя итог и пьесе, да и жизни своей, извлеченным из нее уроком, говорит: «Чем мастерство, чем талант, чем может убить клубы, может обмелеть или разлиться, но исчезнуть совсем они не может, потому что вода, и воздух, и солнце — это же наша святая святыня».

Вечно пребудет с нами наша Река и наша Нива. Наша Родина, про которую тот же Груя говорит: «Родина — это организация, и... рази этой организации по второй мировой войне сделала с лишним миллионом сложная голова ныне».

Вечно пребудет с нами и он, великий провидец, чей идейной силой питается сегодня любая клеточка нашей жизни.

Сила этих двух понятий — Родина и Ленин — соединенных воедино — неодолима.

И. ШКУРЯ,
народный артист МССР.